

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1 июня

Был первый день отпуска. Отпуска, до которого я доживала на последнем дыхании. В прямом смысле, ведь лето упало на город внезапно в виде огненного покрывала и с первого же дня начало выжигать все живое под собой.

Трава, не успев набраться соков и зеленых красок, уже торчала из побелевшей земли, как солома. Асфальт охватил мерцающий жар. А мне необходимо было заставить себя идти на «деловую» встречу. Причем не в офис, а в центральный сквер города. Поскольку, как предупредил Олег — тот, с кем была назначена встреча, — в офисе телеканала много лишних ушей, а в сквере мы сможем нормально поговорить, не боясь, что нас могут подслушать.

Я примерно догадывалась, о чем пойдет речь, и могла бы отказать сразу, но Олег настоял на встрече. Согласилась только потому, что он был моим старым товарищем, однокурсником, от которого я ничего, кроме добра, не видела. Пришлось собраться и вынырнуть из дома в волны удушливой мерцающей жары.

Доехала до центра на метро и поползла вверх по солнечной стороне улицы, чувствуя, как на ходу вместе с каблуками, увязавшими в раскаленном асфальте, плавятся мозги.

Мы договорились, что встретимся на нашем старом месте. Я прекрасно помнила, что это седьмая скамейка по левой стороне аллеи — та, на которой в студенческие годы мы обычно пили пиво, прогуливая лекции.

В сквере было пусто. Только под деревьями сидели несколько сумасшедших мамочек с колясками, в которых спали оголенные до памперсов младенцы.

Движения в этой горячей воде не было никакого, но я обратила внимание, что передо мной медленно, как во сне, ковыляет какая-то бабушка. Откровенно говоря, я бы ее не заметила, если бы не одежда.

Она была вся в черном. Старушки любят этот цвет даже в жару. А еще меня тронула ее старомодная черная шляпка, из-под которой выглядывал аккуратный завиток седых волос. На ногах — стоптанные закрытые туфли.

Растроганная этим зрелищем, я шла за ней и заметила, как из ее пластикового пакета выпало яблоко. Наверное, где-то была дырка. Яблоко покатило вниз, к дороге. Старушка растерянно остановилась и смотрела ему вслед, не в состоянии броситься вдогонку. Я могла бы сделать вид, что ничего не заметила, ведь перспектива бежать на дорогу за яблоком и взмокнуть до нитки меня совсем не привлекала. Но я все-таки бросилась и поймала беглеца прямо на середине дороги, выслушав ленивую ругань таксиста.

Я и правда вспотела и поднималась вверх в довольно раздраженном настроении. Лучше бы дала ей пятерик на новое яблоко! Старушка смотрела на меня сверху вниз из-под кружевных полей своей архаичной шляпки и ласково улыбалась, ожидая, пока я доползу до нее.

Я протянула ей яблоко. Она вцепилась в него своей высохшей лапкой, поблагодарила и попросила довести до скамейки. Той самой, на которой должна была состояться встреча!

Это меня тоже разозлило. Но не просить же ее пересесть! Пришлось посадить ее именно на эту скамейку. Пускай уж!

А потом было уже не до нее: рядом со мной плюхнулось тело Олега — такое же разгоряченное, как и все остальные тела в городе, окутанном огненным покрывалом.

— Извини, что заставил тебя идти по такой жаре, — сказал он. — Но дело важное. Очень важное. И перспективное. Даже больше, оно — твое! Я это чувствую всеми потрохами.

Он тяжело дышал, и я подумала, что по сравнению с ним выгляжу вдвое моложе, хоть мы и одногодки.

Олег недавно получил должность генерального директора одного из телеканалов и жаждал судьбоносных перемен. То, что он вспомнил обо мне, было приятно и трогательно. Но к сожалению, совсем для меня неперспективно.

Так как я давно размышляла о том, чтобы уйти из профессии. Уйти в никуда, полностью изменив специальность.

Для меня попадание в десятку лучших политических обозревателей страны было полной неожиданностью. Я даже чувствовала некую вину перед коллегами, которые, возможно, больше заслуживали такой славы. Или больше к ней стремились? Или больше мечтали именно о такой карьере?

Я же о ней никогда не мечтала! Но несколько лет назад в издании, куда я устроилась, свободное место было только в отделе политики.

Вот и пришлось делать не то, что хочешь, а то, за что платят.

В конце концов, как ни странно, у меня начала получаться достаточно приличная аналитика. Настолько приличная, что во время различных политических катаклизмов или выборов мне поступали довольно красноречивые предложения о сотрудничестве от разного рода бонз. Но я не принимала ни одного.

Лет через десять благодарные читатели начали узнавать меня на улицах, словно какого-нибудь депутата, задавая чуть ли не мессианские вопросы о дальнейшей судьбе страны. Иногда это казалось мне смешным, иногда — раздражало. И страшно утомляло. Поэтому я размышляла о кардинальных переменах. И какие-то деловые «перспективные» предложения однокурсника, каким бы замечательным человеком он ни был, не заставили меня бежать к нему, задрвав на радостях хвост.

Я слушала Олежку вполуха, сохраняя на лице приветливую улыбку, которая в итоге сменилась издевательски-саркастической.

Одним словом, Олежка предлагал мне вести популярное ток-шоу с сильными мира сего. Перспектива действительно было интересной: гостями студии будут известные деятели мирового уровня. Говоря «мирового», Олежка гордо и хитро улыбался. И в этой улыбке я усматривала истину, а не пустую болтовню новоиспеченного Остапа Бендера.

Олежка был человеком слова и дела.

— У тебя будет полная свобода действий! — говорил он. — Будешь сталкивать их, как бильярдные шары. На этом месте все, включая инвесторов, видят только тебя!

И вот здесь моя приветливая улыбка сменилась саркастической.

— Пацан, ты шутишь? — процедила я со своей обычной интонацией, в которой было полное и необратимое безразличие.

Надо было бы сплюнуть себе под ноги, как я это делала в институте, несмотря на врожденную вежливость и пожилую даму, дремавшую на другом конце «нашей» скамейки.

Олежка помрачнел и смущенно прокашлялся.

— Не шучу, — серьезно сказал он. — Я все понимаю. Не считай меня бестактным...

Здесь стоит сделать некоторое разъяснение.

Разъяснение, которое расставит на будущее все точки над «і».

Итак, моя фраза, если записать ее на бумаге, прозвучала так: «П-п-пацан, т-ты ш-ш-шутишь?»

Ясно?!

Да, да. Я, Вероника Вадимовна Ивченко, «звезда политической аналитики», «блестящий политический обозреватель» и так далее, по словам моих друзей и недругов, имела один маленький изъян. Один проклятый изъян, который мешал мне двигаться дальше бумажного пространства.

Да, я заикалась.

В принципе, в этом не было ничего отвратительного или откровенно болезненного. Как говорил муж, в моем заикании была своя изюминка, некоторый шарм и еще какие-то дополнительные бонусы, о которых говорят, чтобы утешить. Хотя я давно уже не переживала по этому поводу.

И все-таки никогда не могла избавиться от того противного ощущения, что речь, которую я так любила, выписывая слова на бумаге, не подчинялась моему языку. Как будто где-то в гортани жил мерзкий, колючий тролль, которого я ненавидела. В глубине души я считала, что многое в жизни не получилось именно из-за него. Особенно этот тролль мешал мне в самые важные моменты, когда мысль, яркая и четко сформулированная, в живом общении превращалась в жалкий лепет. Думаю, именно из-за этого я и начала неплохо писать — так, чтобы высказанное на бумаге не уступало тому, что можно произнести вслух.

Мой начальник, главный редактор газеты, человек умный и откровенный, когда-то так и сказал: «Ты превратила свой самый большой минус в самый большой плюс. Если бы не твой недостаток, неизвестно, смогла ли бы ты так писать!»

И вот сегодня Олечка наступил на мою «мозоль» обеими ногами, обутыми в туфли от Армани. И мне ужасно захотелось плюнуть на их блестящие носки.

Несмотря на это, я продолжала сидеть, слушая его уговоры.

— Ты не думай, что я позвал тебя, чтоб издеваться, — говорил он, — ты же знаешь, как я тебя люблю! Поэтому выслушай внимательно. Вот здесь, — он развернул какую-то бумажку, — адрес лучшего врача, которого мне посоветовали не последние в этой стране люди. Именно у него лечились! Несколько сеансов — и ты наша! Только не возражай. Оплату лечения канал берет на себя, сколько бы оно ни стоило! Я тебя очень прошу, детка... Ну?

Чем он выделялся среди всех остальных моих знакомых, так это детской эмоциональностью, каким-то чудом сохранившейся в его большом теле, упакованном по последнему писку моды. Он чуть не плакал. И я перестала улыбаться.

— Понимаешь, Олечка («П-п-поннимаешь, О-о-олежжж-ка»), — сказала я, — за все эти годы я не раз пыталась вылечить-ся. И сегодняшний результат — окончательный и самый лучший, какого можно было достичь. Это правда. Больше я не соглашусь ни на какие эксперименты. Брось...

Он смущенно засопел. Развязал галстук, снял его и сунул себе в карман, положил свою большую ладонь на мою.

— Слушай, детка, надежда умирает последней. Не хочу лезть тебе в душу, но мне всегда не давал покоя вопрос: откуда это у тебя? Ты была самой лучшей на курсе, о чем я знаю только потому, что — вспомни-ка! — уйму чудесных часов мы провели вот на этой скамейке, сколько было между нами сказано! И ты прекрасно разговаривала, когда тебя не слышали преподаватели! Никогда тебе не говорил, но у меня еще тогда сжималось сердце от того, что ты не можешь показать себя во всей красе. Всегда пряталась в свой домик, как улитка...

— Не бреди мне душу, старик, — сказала я.

Повисла пауза.

Она висела в воздухе неподвижно, как и сам воздух.

Я отвела взгляд.

Не хотела, чтобы Олег видел, как он потухает. Отвлекла себя зрелищем старушечьих рук, крошивших кусок булки голубям.